

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

УДК 821.161.1-3(Пушкин А. С.):37.018.1
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-8,43

Е. Н. Бекасова
Оренбург, Россия

ПАРАДОКСЫ ВОСПИТАНИЯ: НЕДОРОСЛЬ ПЕТРУША ГРИНЁВ

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды А. С. Пушкина на проблемы воспитания. Отвергая практически все образовательные институты своего времени, А. С. Пушкин требовал запретить домашнее воспитание как «самое безнравственное». Однако в его произведениях представлена целая галерея литературных героев, прошедших детство «среди холопей» (Татьяна Ларина, Маша Дубровская, Пётр Гринёв и др.), что позволяет проанализировать парадоксы домашнего воспитания в произведениях А. С. Пушкина. В связи с этим ставится вопрос о значимости образа Митрофанушки для понимания образа пушкинского недоросля того же времени — Петруши Гринёва — в историческом романе «Капитанская дочка». Усиливаемая автором прецедентность образа Митрофанушки позволяет А. С. Пушкину не только подчеркнуть типичность жизни недоросля XVIII в., но и указать на расхождения в воспитании. Именно воспитание ведет к формированию личности, которая может сохранить «честь смолоду», несмотря на все «перевороты и переобороты» в жизни русского общества и во всех обстоятельствах бессмысленного и беспощадного русского бунта. С другой стороны, взгляд пережившего Пугачёвский бунт во всей его глубине и противоречивости Петра Гринёва на «младенческие годы» Петруши позволяет вновь обратиться к истокам воспитания и проанализировать все нюансы «домашнего воспитания» людей чести.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, проблема воспитания, «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, феномен недоросля, прецедентный текст.

E. N. Bekasova
Orenburg, Russia

PARADOXES OF EDUCATION: MINOR PETRUSHA GRINYOV

Abstract. In this article A. S. Pushkin's views on education problems are considered. Rejecting practically all educational institutes of the time, A. S. Pushkin demanded to forbid home education as «the most immoral». However, in his works the whole gallery of the literary heroes who have spent the childhood among «holops» is presented (Tatyana Larina, Masha Dubrovskaya, Pyotr Grinyov etc.), that allows to analyze paradoxes of home education in Pushkin's works. In this regard the author of the article raises the question of the importance of Mitrofanushka image for understanding the image of Pushkin's «minor» of the same period — Petrusha Grinyov — in the historical novel «The Captain's Daughter». The precedentality of Mitrofanushka image strengthened by the author allows A. S. Pushkin not only to emphasize typicalness of life of the minor of the 18th century, but also to point out the divergences in education which leads to formation of the personality that can watch his «honor while young», despite all «revolutions and returns» in Russian social life and in all circumstances of senseless and merciless Russian rebellion. On the other hand, Pyotr Grinyov's mature standpoint on Petrusha's «infantile years» allows him to appeal to sources of education again and to analyze all nuances of «home education» of people of honor.

Keywords: A. S. Pushkin, problems of education, «The Captain's Daughter» by A. S. Pushkin, phenomenon of the minor, precedent text.

Воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла.

А. С. Пушкин

А. С. Пушкин не писал педагогических трактатов и не был великим педагогом, но его суждения о воспитании и — шире — о русском просвещении рассыпаны по его письмам, запискам, публицистическим и критическим произведениям¹, а его творчество «растворено в русской культуре последних полутора веков, и каждый, кто считает себя представителем этой культуры, самым существом своим знает, что Пушкин — «это наше всё» [Колесов 1999: 60]. И будем надеяться, что А. С. Пушкин ещё долго будет способствовать «освещению тёмной дороги нашей новым направляющим светом» [Достоевский 1958: 442].

Единственный «педагогический» труд А. С. Пушкин вынужден был составить по распоряжению Николая I осенью 1826 г., сопроводив его весьма выразительной концовкой: «Ободренный первым вниманием государя императора, всеподданнейше прошу его величество позволить мне повергнуть пред ним мысли касательно предметов, более мне близких и зна-

комых» [Пушкин 1994: 150]. Выполняя высочайший указ, А. С. Пушкин вызвал неудовольствие царя своим главным правилом — «просвещение и гений служат исключительно основанием совершенству» [Пушкин 1994, т. V: 610] — и тем, что поставил перед правительством задачу отвечать за просвещение и указал на серьёзные упущения в «предмете столь важном, каково есть народное воспитание» [Пушкин: 150]. При этом правительство в «великом подвиге» «улучшения воспитания общественного» должно чувствовать «нужду в содействии людей просвещённых и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью» [Пушкин 1994, т. V: 327], ибо «одно просвещение в состоянии удержать новые безумства» [Пушкин 1994: 146], а «недостаток просвещения и нравственности» может вовлечь «многих молодых людей в преступные заблуждения» [Пушкин 1994: 145].

По мнению А. С. Пушкина, главная задача воспитания — «защитить новое, возрастающее поколение, ещё не наученное никаким опытом и которое скоро появиться на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем её восторгом и готовностью принимать всякие впечатления» [Пушкин

¹ Подробно см.: [Бекасова 2013].

1994: 145]. Но это должно быть именно воспитание, потому что «не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла» [там же]. Главное — «должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удерживать, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм» [Пушкин 1994: 146].

А. С. Пушкин отвергает практически все существующие образовательные институты своего времени: «кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении» [Пушкин 1994: 147], «в гимназиях, лицеях и пансионах при университетах должно будет продлить, по крайней мере, 3-мя годами круг обыкновенного учения» [Пушкин 1994: 148], «преобразование семинарий ... требует полного особенного рассмотрения» [Пушкин 1994: 148].

Не устраивает А. С. Пушкина и домашнее воспитание, которое в России «есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребёнок окружён одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. <...> Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное» [Пушкин 1994: 146].

Однако феномен домашнего и казарменного воспитания давал удивительные всходы людей чести и достоинства.

Подтверждение этому — целая галерея образов произведений А. С. Пушкина.

Иван Петрович Белкин, получивший «первоначальное образование от деревенского дьячка», в 1815 году вступивший «в службу в пехотный егерский полк, в коем находился до самого 1823 года» [Пушкин 1994, т. IV: 107]. Именно он по воле А. С. Пушкина написал удивительные повести.

«Ужасный повеса», шаловливый Бурмин, после войны 1812 года — «раненый гусарский полковник», «с Геогием в петлице» [Пушкин 1994, т. IV: 128].

Легкомысленный Ротмистр Минский — притворившийся больным гусар, женившийся-таки на Дуняше, дочери станционного смотрителя.

Владимир Дубровский «воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию». «Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем...» [Пушкин 1994, т. IV: 145].

Здесь же и «сельские барышни», воспитанные «на чистом воздухе, в тени садовых яблонь», «которые знания света и жизни черпают из книг» [Пушкин 1994, т. IV: 15]: Марья Гавриловна Ненарадова, воспитанная на французских романах в поместье своего гостеприимного батюшки; Лиза, барышня-крестьянка, дочь настоящего русского барина — проказника на английский манер Г. И. Муромского; выросшая в уединении распорядительница огромной библиотеки французских сочинений XVIII в. дочь старинного барина Кирилла Петровича Троекурова; уездные барышни из

«Романа в письмах», которых так «любят Вяземский и Пушкин» [Пушкин 1960: 481].

Но главный аргумент — Татьяна Ларина, воспитанная старой нянькой, чуждая своей семье, сумевшая освоить библиотеку петербургского денди и ставшая «величавой и небрежной законодательницей зал» [Пушкин 1994, т. III: 181] — «не этой девочкой несмелой, Влюблённой, бедной и простой, Но равнодушною княгиней, Но неприступною богиней» [Пушкин 1994, т. III: 174]:

«Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалось верный снимок
Du comme il faut... Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.
К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор её очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале... [Пушкин 1994, т. III: 175].

Вот они, плоды домашнего воспитания!

Но почему-то «Повести Белкина» А. С. Пушкин предварил эпиграфом из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», поставленной в 1782 г. и изданной в 1783 г.:

«Г-жа Простакова

То, мой батюшка, он ещё сызмала к историям охотник.

Скотинин

Митрофан по мне

Диалог братца с сестрицей состоялся сразу же после успешного, по их мнению, экзамена Митрофана по грамматике с его знаменитым определением приложенной к косяку *двери* как прилагательного, а стоящей в чулане ненавешенной *двери* как существительного и по этой же логике отнесения слова *дурак* к прилагательным, так оно «прилагается к глупому человеку» [Фонвизин 1972: 91]. Митрофану теперь предстоит экзамен по истории, и успех обеспечен, так как мать знает, что он «к историям охотник» [там же: 92], а Скотинин подтверждает своё родство с семейкой, потому как любит слушать истории выборного — «мастер, собачий сын, откуда что берётся!» [Там же].

Что же таится в этом эпиграфе? Мы будем читать повести, по сути перекликающиеся с блистательным «Недорослем»? или это такие народные, житейские истории, о которых мы так любим судачить? или это намёк на особенности мастерства автора, при этом вспоминается, что Пушкин в пылу восторга также назвал себя собачим отпрыском? или это упрёк читателям, которым, как Митрофану со Скотининым, такие истории «по мне»? ...?

А. С. Пушкин как будто заморожен «Недорослем», где «сатиры смелый властелин», «друг свободы» [Пушкин 1994, т. III: 15] впервые обнажил це-

льный ряд проблем России эпохи просвещения: «сатирик превосходный Невежество казнил в комедии народной» [Пушкин 1994, т. III: 250]. Обрушившись на систему домашнего воспитания, Д. И. Фонвизин заклеил недорослей. Если до его комедии слово *недоросль* было официальным названием «молодого человека, не достигшего совершеннолетия» [Словарь 1985: 170], то после так именовали «глуповатого, малоразвитого молодого человека» [Там же]. И уже А. Радищев констатирует: «где есть няньки ... есть ребята, которые ходят на помочах; от чего у них бывают нередко кривые ноги» ... «и совершенной на возрасте будет калека», «Недоросль *будет всегда Митрофанушка* [выделено нами — Е.Б.], без дядьки не ступит, без опекуна не может править своим наследием» [Радищев 1984: 247/33].

Недорослем вступает на страницы романа «Капитанская дочка» её главный герой со своим дядькой Савельичем. А. С. Пушкин не только называет Петрушу Гринёва недорослем («Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками» (15)²), соединив, как считают авторы комментариев [Пушкин 1994, т. IV: 388], оба значения этого слова, но и указывает на сходство семьи Гринёвых с семейством Скотининых.

В частности, г-жа Простакова поясняет Стародуму, что она «по отце Скотининых. Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозвищу Приплодиных. Нас, детей, было с них восемнадцать человек; да все, кроме меня с братцем, ... померли» [Фонвизин 1972: 75]. У Гринёвых было девять детей, но все братья и сестры Петруши «умерли во младенчестве» (8), тогда как у Приплодиных небольшая часть детей погибла по недосмотру родителей.

И Митрофанушка, и Петруша — единственные выжившие дети, сыновья, они почти ровесники — в момент явления комедии «Недоросль» в 1782 г. Митрофан, видимо, был на излёте своей «недорослевой карьеры»: не зря же он хочет жениться, а Правдин в итоге семейных разборок забирает его служить. Петруше семнадцатый годок пошёл в 1772 г., и, как утверждает его батюшка, он тоже бежит по девичьим (10).

Несмотря на разницу в 10 лет, Митрофан старше Гринёва по своей «литературной жизни» и давно перерос в фигуру символическую, довлеющую на последующие образы русской литературы: достаточно лишь упомянуть слова *недоросль* или *Митрофан* — как тут же воплощается во всей своей испорченности сын своих родителей (Митрофан от греческого *mētēr* — мать и *rhainō* ‘являть, обнаруживать’ [Петровский 1980: 160], то есть копия своей матери).

Но А. С. Пушкин в «Капитанской дочке» почему-то усиливает пересечения жизни двух недорослей.

Митрофан уже в первом действии бежит резвиться на голубятню, и Петруша «гонял голубей»; «умное, разумное» дитя, «сердечный друг» Простаковых любит покушать, причём и днём и ночью, и Петруша при самом повороте своей судьбы привычно облизывался на кипучие пенки медового варенья.

Не повезло обоим и с наставниками. В когорту учителей Митрофана, «числом поболее, ценою подешевле», помимо знаменитых отставных солдата и монаха Цыфиркина и Кутейкина, по моде тех лет входит немец Адам Адамыч Вральман, бывший куцер, у которого после потери места выбор был невелик — либо «с голот мереть, липо ушитель...» [Фонвизин 1972: 101]. У Петруши в учителях был Савельич, «за трезвое поведение пожалованный в дядьки», «под его надзором» Петруша «выучился русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля» (8). На двенадцатом году из Москвы «вместе с годовым запасом вина и провансальского масла» был выписан мосье Бопре, который «в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel, не очень понимая значение этого слова» [Там же]. Недоросль с французом «поладили», и вместо учения «*по-французски, по-немецки и всем наукам*», мосье от своего ученика «наскоро выучиться болтать по-русски, — и потом каждый уже занимался своим делом» (8—9). Как пишет Пётр Гринёв, «воспитание кончилось», когда батюшка наконец-то застал «мёртво пьяного» Бопре и вытолкнул его со двора [Там же].

Такое сознательное одевание «тришкина кафтана» Митрофана на Петрушу определённым образом цементирует образ пушкинского героя и направляет читателя по пути Д. И. Фонвизина. Зачем это делает А. С. Пушкин? Для того, чтобы показать типичность жизни молодых дворянчиков того времени? чтобы сохранить историческую правду? или он стремился сломать стереотипы? Ведь в ту эпоху многие «университетов не кончали» (в том числе и «первый наш университет»), но выходили в великие люди.

Так кто перед нами? Митрофанушка Гринёв? Но зачем нам очередной Митрофан и зачем гению повторяться, тем более что после блистательного, по мнению А. С. Пушкина, Д. И. Фонвизина добавить ничего. Может, это надо было, чтобы показать, как из Митрофанов получаются порядочные люди? Ведь действие «Капитанской дочки» начинается там, где оно заканчивается в «Недоросле», — герои отправляются служить, причём оба без сопротивления: «Митрофан (махнув рукою). По мне, куда велят» [Фонвизин 1972: 103] — «Итак, все мои блестящие надежды рушились!» (11).

Параллели с «Недорослем» приводят к мысли о немотивированной эволюции главного героя «Капитанской дочки». Наиболее последовательно и категорично о «превращении Митрофана в Пушкина» пишет Марина Цветаева [Цветаева 1979: 90]. Для неё Пётр Гринёв — «ещё вчера лизавший пенки рядовой дворянский недоросль», «тип», который «в молниеносной постепенности» — за три месяца — превращается в личность — в Пушкина [Там же].

Но ведь чем-то отличались Митрофанушка и Петруша в своём недорослевом бытии. Кутейкин и Цыфиркин «бьются» с Митрофаном более трёх лет, а тот «новой строки не разберёт, да и зады мямлит» и «трёх перечесть не умеет» [Фонвизин 1972: 75]. Петруша же не только выучил Бопре русскому, но и, видимо, набрался от него французского, о чём сви-

² Здесь и далее страницы произведения указываются в скобках по [Пушкин 1994, т. IV].

детельствуют его беседы со Швабриным, бывшим гвардейским офицером, который через пять лет пребывания в Белогорской крепости получил возможность говорить по-французски (25). Затем Петруша стал читать французские книги, которые были у Швабина, и «упражняться в переводах» (27). Так что полным Митрофаном он не был не только по исходному сопротивлению знаниям и возможностям их впитывания, но и по дальнейшему желанию учиться. И хотя Марина Цветаева подчёркивает «митрофануток» Петруши отсутствием в доме Гринёвых книг, кроме Придворного календаря, но ведь этот календарь, «ежегодно получаемый» (9), «целыми часами не выпускал из рук» Андрей Петрович. Но матушка «старалась засунуть несчастную книгу как можно подале», поскольку батюшка его вполголоса комментировал, а затем «погружался в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго». Может, дело в этих замечаниях старого Гринёва: «Генерал-поручик! . . . Он у меня в роте был сержантом! . . . Обоих российских орденов кавалер! . . . А давно ли мы? . . .» (9—10). Петруша, видимо, знал и судьбу графа Миниха, и обстоятельства отставки своего батюшки, и его суждения о чести. Может, в этом «пожимании плечами», роптании и задумчивости кроется ненавязчивое внушение молодому пове-се правил чести? С другой стороны, не следует забывать, что детскую «летопись» Петруши написал сам Гринёв, уже прошедший через горнило русского бунта, осмысливший все «перевороты и — или переобороты (как лучше?)» [Пушкин 1941: 140] в жизни русского общества, и не только с доброй иронией взирающий на «младенческие годы» недоросля Петруши, но и тревожащийся за своих потомков, поскольку у каждого человека чести — свой «бунт бессмысленный и беспощадный».

У Простаковых не только вообще не было книг, но и было стойкое, генетическое их отторжение — до махрового невежества в отношении понятий типа история и география.

Выходит, что дело не в пушкинском протесте против домашнего воспитания как самого безнравственного и недостаточного, а в том, где, кем и как прививаются понятия достоинства и чести. С одной стороны, *яблоко от яблоньки недалеко откатывается*, но с другой — *и от доброго отца рождается бешена овца, бывает добрая овца и от беспутного отца*.

Но параллели с комедией Д. И. Фонвизина не заканчиваются: в эпиграфе главы III «Капитанской дочки» А. С. Пушкин продолжает цитировать г-жу Простакову, которая уже рассказала о своём Скотининско-Приплюдинском происхождении (что уже использовал А. С. Пушкин), а теперь она поясняет Стародуму, что её родители были «старинные люди, мой отец!» [Фонвизин 1972: 103].

У А. С. Пушкина в эпиграфе «Старинные люди, мой батюшка». Неужели разница только в обращении? Действительно, в «Недоросле» предпочтение отдаётся слову *отец*, в «Капитанской дочке» — просторечному, но почтительному и ласковому слову *батюшка* [Словарь 1984: 151].

Но дело гораздо сложнее — не столько в описании Ивана Кузьмича и Василисы Егоровны, которым,

казалось, и предпослан эпиграф, и не в отсылке к содержащей так много реминисценций из фонвизинской комедии I главе «Капитанской дочки», где описано семейство Гринёвых, сколько в объяснении мировоззрения людей XVIII в., их патриархальных нравов, понятий долга и чести. Для Простаковых и Скотинина таких понятий не существовало, но именно Простакова, представитель того же поколения, что и супруги Мироновы и Гринёвы, обращаясь к опыту своего скотининского семейства, даёт определение *старинным людям*. И именно в родителях, на наш взгляд, заключается несомненная разница между недорослями Митрофаном и Петрушей, что требует отдельного исследования парадоксов воспитания «душой беспечных невеж» [Пушкин 1993, т. I: 533].

ЛИТЕРАТУРА

Бекасова Е. Н. А. С. Пушкин о воспитании и образовании в России // Четвёртые Измайловские чтения, посвящённые 180-летию поездки А. С. Пушкина в Оренбург. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 26–28 сентября 2013 г.: сб. статей. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. — С. 41—51.

Достоевский Ф. М. Пушкин. Очерк. Произнесено 8 июня в Заседании Общества любителей российской словесности // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. Произведения 1879–1880 гг. — М.: ГТХЛ, 1958.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб.: «Златоуст», 1999. — 368 с. (Язык и время. Вып. 2).

«О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева: факсим. изд. — М., Наука, 1984.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имён (около 2600 имён). — изд-е второе, стереотипное. — М., Русский язык, 1980. — 384 с.

Пушкин А. С. «Записка о народном воспитании» // Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. — Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. — С. 145—150.

Пушкин А. С. Капитанская дочка // Собрание сочинений в пяти томах. Т. IV. — Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. — С. 7—104.

Пушкин А. С. Роман в письмах // Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 5. — М.: ГИХЛ, 1960. — С. 475—483.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. — Санкт-Петербург: Библиополис, 1993.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. III. — Санкт-Петербург: Библиополис, 1994.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. IV. — Санкт-Петербург: Библиополис, 1994.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. — Санкт-Петербург: Библиополис, 1994.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Художественная проза. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.

Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. 14. Переписка 1828—1831 гг. — М.: АН СССР, 1941.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. (А — Безпристрастие). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 2. (Безпристрастный — Вейэр). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985.

Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль. Комедии. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1972. — 104 с.

Цветаева М. Мой Пушкин. — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1979. — 190 с.

REFERENCES

Bekasova E. N. A. S. Pushkin o vospitanii i obrazovanii v Rossii // Chetvyortye Izmajlovskie chteniya, posvyashchyonnye 180-letiyu poezdki A. S. Pushkina v

Orenburg. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Orenburg, 26–28 sentyabrya 2013 g.: sb. statej. — Orenburg: Izd-vo OGPU, 2013. — S. 41—51.

Dostoevskij F. M. Pushkin. Ocherk. Proizneseno 8 iyunya v Zasedanii Obshchestva lyubitelej rossijskoj slovesnosti // *Sobranie sochinenij v desyati tomah*. T. 10. Proizvedeniya 1879–1880 gg. — M.: GTHL, 1958.

Kolesov V. V. «Zhizn' proiskhodit ot slova...». — SPb.: «Zlatoust», 1999. — 368 s. (Yazyk i vremya. Vyp. 2).

«O povrezhdenii nravov v Rossii» knyazyza M. SHCHerbatova i «Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu» A. Radishcheva: faksim. izd. — M., Nauka, 1984.

Petrovskij N. A. Slovar' russkih lichnyh imyon (okolo 2600 imyon). — izd-e vtoroe, stereotipnoe. — M., Russkij yazyk, 1980. — 384 s.

Pushkin A. S. «Zapiska o narodnom vospitanii» // *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. T. V. — Sankt-Peterburg: Bibliopolis, 1994. — S. 145—150.

Pushkin A. S. Kapitanskaya dochka // *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. T. IV. — Sankt-Peterburg: Bibliopolis, 1994. — S. 7—104.

Pushkin A. S. Roman v pis'mah // *Sobranie sochinenij: v 10 tomah*. T. 5. — M.: GIHL, 1960. — S. 475—483.

Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. T. I. — Sankt-Peterburg: Bibliopolis, 1993.

Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. T. III. — Sankt-Peterburg: Bibliopolis, 1994.

Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. T. IV. — Sankt-Peterburg: Bibliopolis, 1994.

Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. T. V. — Sankt-Peterburg: Bibliopolis, 1994.

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t.* T. 6. *Hudozhestvennaya proza*. — L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1978.

Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij*. T. 14. *Perepiska 1828—1831 gg.* — M.: AN SSSR, 1941.

Slovar' russkogo yazyka XVIII v. Vyp. 1. (A — Bezpristrastie). — L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1984.

Slovar' russkogo yazyka XVIII v. Vyp. 2. (Bezpristrastnyj — Vejer). — L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1985.

Fonvizin D. I. *Brigadir. Nedorosl'. Komedii*. — Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. — 104 s.

Cvetaeva M. *Moj Pushkin*. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. — 190 s.

Данные об авторе

Елена Николаевна Бекасова — доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург).

Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

E-mail: bekasova@mail.ru.

About the author

Bekasova Elena Nikolaevna is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistic and Methods of Teaching of Russian Language, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).